

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК [811.161.1:811.512.161]'373.612.2:316.77

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ В ПАРЕМИЯХ (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков)

М.А. Бредис

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
briedis@yandex.ru

Предмет исследования — объективация понятий *бережливость* и *скупость* через паремии в русском, латышском, немецком, английском и таджикском языках. Эти паремии в рассматриваемых языках обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий, что объясняется логико-семантической общностью пословиц как знаков ситуаций и отношений между вещами, а также родством указанных языков (хотя и в разной степени) и контактами народов. Тем больший интерес представляют неполные эквиваленты пословиц, когда одна и та же семантика передается различными образами.

Ключевые слова: паремиология, пословица, скупость, семантика, компаративистика.

ВВЕДЕНИЕ

Паремии представляют собой важную часть национальной картины мира каждого народа. В свете антропоцентрической научной парадигмы сопоставительная паремиология позволяет выявить особенности семантики и образности национальных паремий. По мнению О.В. Ломакиной, паремии (пословицы, поговорки, при словья, загадки и под.), являясь репрезентантами национальной картины мира, помогают осознать национальную специфику и дополнить данные о языковой картине мира. Современная паремиографическая практика доказывает, что паремии имеют эквиваленты в разных, даже неродственных, языках [7. С. 217].

Для сравнения паремий и подбора их эквивалентов важно использовать семантическую квинтэссенцию пословиц. Одни из первых попыток семантической

классификации делались Г. Пермяковым (1919—1983) и М. Кууси (1914—1998). М. Кууси, создавший международную систему классификации типов пословиц, указывает на три главных аспекта для анализа пословиц (*идея, структура, или формула, и ядро*).

Нам представляется, что автоматизировать процесс выделения семантической quintэссенции невозможно, так как мы имеем дело с образными текстами. Требуется «ручная работа» — лаконичный перевод паремий на метаязык. К такому переводу близко понятие *пословичного конденсата*, предложенное Е.И. Селиверстовой. Это двухкомпонентное (реже трехкомпонентное) понятие передает «в сжатом виде — без прикрас — смысл, который традиционно паремийным способом передается не иначе, как „с прикрасами“» [11. С. 132]. Мы придерживаемся понимания Е.В. Селиверстовой относительно конденсированного значения пословицы, используя его для сопоставления и подразумевая под ним лаконичную семантическую модель, иными словами, некий «сухой остаток» после «деметафоризации» паремий.

Определенный научный интерес в плане поиска эквивалентов представляет сравнение паремий русского, латышского (совместно с латгальским), немецкого, английского и таджикского языков. Все эти языки принадлежат к большой индоевропейской семье языков, представляя славянскую (русский), балтийскую (латышский и латгальский), германскую (немецкий, английский) и иранскую (таджикский) группы. По отношению к русскому языку все рассматриваемые языки находятся на разной степени удаленности (лингвистической и географической), что особенно интересно в плане сопоставления используемых в паремиях метафор. Среди латышских паремий мы выделяем латгальские, так как латгальский письменный язык в Латвии официально признан историческим подвидом латышского языка.

Материалом для исследования послужили паремии, связанные с семантикой денежных отношений, взятые из сборников русских, латышских, латгальских, немецких, английских и таджикских пословиц.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ В ПАРЕМИЯХ

Для русской культуры понятие *бережливость*, пожалуй, не относится к «ключевым словам» с точки зрения А. Вежбицкой, которая считает «ключевыми» (key words) слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [1. С. 35]. Тем не менее, существует целый ряд русских паремий, в которых бережливость считается положительным, «правильным» качеством человека: *Тот без нужды живет, кто деньги бережет* [9. С. 220]; *Денежки счет любят* [8. С. 31]. Встречается даже слово *скупо*, носящее в русских паремиях, как правило, отрицательный оттенок, в значении *экономно*: *Кто скупо живет, тот и деньги бережет* [8. С. 36].

В латышских паремиях понятие *бережливость* оценивается положительно, и подчеркивается ее отличие от *скудости*: *Taurība labāka par bagātību* (*Бережливость лучше богатства*); *Taurība nav skopums* (*Бережливость — не скудость*)

[13. С. 62]. В целом латышское понимание бережливости близко к немецкому, где также утверждается: *Sparsamkeit ist vom Geize weit* (Бережливость далека от скупости) [16 Bd 4: Sp. 662].

Немецкое понятие *Sparsamkeit* (бережливость, экономность), производное от *sparen* (экономить), можно отнести «к ключевым словам» немецкой культуры. Положительная коннотация понятия *Sparsamkeit* прослеживается в большом количестве немецких поговорок: *Sparsam sein ist eine gute Rente* (Быть бережливым — хорошая прибыль) [16 Bd 4: Sp. 661]; *Sparsam ist mehr als Geldmachen* (Бережливость больше зарабатывания (делания) денег; *Sparsam bringt Haben* (Экономия приносит состояние (имущество)) [16 Bd 4: Sp. 655]; *Sparsam ist verdienen* (Экономить — значит зарабатывать) [12. С. 193].

В английском языке понятие *бережливость* (экономность) также несет в подавляющем большинстве случаев положительную оценку. Однако выражается оно не одним словом, а несколькими — *frugality* (бережливость, умеренность, расчетливость), *husbandry* (разумное хозяйствование, экономия ресурсов), *sparing* (экономия; общий корень с немецким *sparen*). Это можно считать свидетельством большого значения в английской картине мира такой ценности, как *бережливость*.

Таджикские поговорки также оценивают экономность и бережливость положительно: *Сарфаи сари отаидон савдогари Ҳиндустон* (Сберегая у очага, можно стать купцом в Индии); *Сарфаи сари отаидон беҳ аз савдогари Ҳиндустон* (Бережливость у очага лучше, чем торговля в Индии) [6. С. 287].

Известно, что по территории Таджикистана в древности проходили торговые пути из Индии в Европу и Малую Азию. Купцы, торговавшие с Индией, имели немалые доходы. В те времена это занятие требовало большой смелости, но и вознаграждалось сторицей. В средние века арабы говорили, что купец едет из Аравии в Китай с тысячей дирхемов, а возвращается с тысячей динаров (что в 20 раз больше). Сравнение торговли в Индии с бережливостью дома говорит о том, что таджики считают умение экономить (сарфа кардан) очень большой ценностью.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ИЗ МАЛОГО ПОЛУЧАЕТСЯ МНОГОЕ»

Среди рассматриваемых выделяются поговорки, выражающие семантическую модель «из малого получается много», подчеркивающие значение минимальных денежных единиц для бережливого человека: рус. *Копеечка к копейке — рубль набегаёт* [8. С. 35]; латышск. *Grasis pie graša — iztaisa rubli* (Грош к грошу — получится рубль) [14. С. 70]; *Kapeika rubļi sargā* (Копейка рубль бережет) [9. С. 62]; лагальск: *Kapeika rubli sorgoj* (Копейка рубль бережет) [12. С. 193].

Наибольшее количество разнообразных денежных единиц зафиксировано в немецких поговорках, отражающих модель «из малого получается много» в отношении денег, что объясняется историко-культурными особенностями развития немецкой нации. В них упоминаются такие счетные единицы, имевшие хождение в немецких землях, как *пфенниги, гроши, талеры, гильдены, батцены,*

орты, крейцеры, иттюберы и геллеры. Например: *Ein Pfennig täglich ist ein Thaler im Jahr* (Один пфенниг каждый день — это талер за год) [16 Bd 3: Sp1269]; *Es ist ein guter Batzen, der einen Gulden erspart* (Тот батцен хорош, который экономит гульден) [16 Bd 1: Sp. 244]; *Aus Kreuzern werden Gulden* (Из крейцеров составляются гульдены) [16 Bd 2: Sp. 1612].

В таджикских пословицах также встречается название мелких денег, а именно пул (в современном таджикском языке пул означает деньги вообще): *Як пулӣ диҳанд — бой мешавад, яктой зананд — мемурад* (По пулу дадут — можно стать богатым, по разу ударят — можно умереть). Эта поговорка имеет более широкий смысл, чем пословицы остальных рассматриваемых языков. Первая часть положительна и сходна по семантике с остальными рассматриваемыми поговорками. Зато вторая часть говорит о том, что маленькие негативные действия в большом количестве могут привести к ужасным последствиям.

Называемая в поговорке мелкая денежная единица пул известна с XIII в. как медная монета ханов Золотой Орды (XIII—XV вв.). На одной ее стороне указывались год и место выпуска, на другой — изображения различных животных, птиц, цветов, предметов (кувшин, топор) или геометрических фигур. Вес монеты колебался от 1 до 2 г. Пулы также чеканились в Средней Азии с конца XVIII до начала XX в. Интересно, что монеты с подобным названием (пуло) чеканились и в Русских землях в XV — начале XVI в. Название монеты происходило от татарского пуло, а стоимость была незначительной: 60—70 пуло составляли одну денгу (1/200 часть рубля). Чеканились пуло в больших городах — Москве, Новгороде, Пскове и др. с обозначением места чеканки «пуло московское» и т.д. [4. С. 101].

Часто таджикские пословицы используют образ зерна для выражения семантики из малого получается многое: *Андак-андак ба ҳам шавад бисъёр. Дона-дона аст галла дар анбор.* (Понемножку соберется и станет много, зернышко к зернышку — и хлеб соберется в амбаре); *Дона-дона чамъ шавад, хирман шавад* (Зернышко к зернышку, куча зерна станет) [6. С. 87].

МОДЕЛЬ «СКУПОЙ — ЗНАЧИТ БЕДНЫЙ»

Понятие скупость (жадность) выступает как антиценность в поговорках рассматриваемых языков. Если богатству противостоит бедность, то скупость в такой же степени представляет оппозицию богатству: во всех рассматриваемых языках поговорки сравнивают скупого человека с бедняком, имея в виду в первую очередь духовную бедность. Семантику модели «скупой — значит бедный» передают поговорки: рус. *Скупой богач беднее нищего* [8. С. 27]; латышск. *Skopums — vislielākā nabadzība* (Скупость — самая большая бедность) [12. С. 62]; *Geiz ist die größte Armut* (Скупость — самая большая бедность) [12. С. 196]; англ. *Covetousness is the mother of ruin and mischief* (Скупость — мать разорения и бед) [15. С.116]; тадж. *Камбагал аз рӯи надоштаниш бад зиндагонӣ кунад, бой аз рӯи сахтиаш* (Бедняк плохо живет, оттого что не имеет, богатый плохо живет по скупости) [6. С. 216].

Интересны пословичные образы, применяемые для характеристики скупца, прежде всего главной его черты — **жадности (алчности)**. Она характеризуется различными образами, связанными прежде всего с деньгами: Рус. *Скупой и во сне денежки считает* [8. С. 38].

Понятие скупости в латышской пословице выражается через понятие *кошелек* (вместилище денег): *Skoruļam maks čīkst iz kabatas velkot* (*У скупого кошелек стонет, когда его достают из кармана*). Здесь происходит олицетворение кошелька и отождествление его со скупцом: *кошелек стонет*, как и его хозяин, расставаясь с деньгами. Подобный образ использует и русская пословица, зафиксированная В. Далем (1801—1872): *Взвyla да пошла из кармана мошна*. Это также олицетворение, но в более сильной степени. Однако семантика пословицы не совпадает с латышской. В русской паремии речь идет скорее о необходимости отдать последние деньги. Недаром В. Даль поместил ее в раздел *Счастье — Удача* своего словаря русских пословиц.

В немецких паремиях образы, характеризующие скупца, довольно разнообразны. Так, скупец глух на одно ухо: *Ein Geizhals ist auf der Seite taub, wo er's Geld hat* (*Скупец глух на ту сторону, где у него деньги*) (16 Bd1: Sp. 1457). Глухота означает здесь нежелание слышать ничьих просьб о деньгах.

Яркие образы используются в таджикских паремиях, выражающих семантику **Скупой ненасытен**: *Агар кӯҳи Коф нон шавад ва даръёи Амӯ — шӯрбо, гурусначаш сер намешавад*. (*Если бы гора Каф стала хлебом, а река Аму — шурпой, то жадный не насытился бы*) [6. С. 38].

ЭТНОМАРКЕРЫ И МИФОНИМЫ

Я.И. Калонтаров сравнивает эту пословицу с русскими: *В воде по горло, а воды просит, Скупой, что бездонная кадка, ничем не наполнишь*. Он отмечает: «Русские пословицы, как нам представляется, по содержанию эквивалентны приведенной таджикской, однако стилистически и, тем более, по своему образному оформлению существенно отличаются от нее» [6. С. 14]. Действительно, здесь мы видим этномаркеры и мифонимы, указывающие не только на регион происхождения (Среднюю Азию), но и на религию.

Согласно О.В. Лوماкиной, этномаркерами в паремиях служат следующие номинации: 1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» [3. С. 3]; 2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды; 3) этнонимы — названия народов и племен [7. С. 217].

В мифологии мусульманских народов гора Каф, мать всех гор, окружает собой весь мир. Эта гора сделана из изумрудов (или зеленого хризолита), а чтобы ее обойти, пришлось бы шагать две тысячи лет. Понятно поэтому насколько гигантским будет хлеб, в который превратится эта гора. Река Аму (*Аму-Дарья*) — самая крупная река в *Средней Азии*. Она образуется слиянием рек Пяндж и Вахш,

по существу являясь продолжением первой. А **шурпа (шурбо)** — таджикский вариант супа, широко распространенного и на Востоке. Лишь благодаря комментариам европейский читатель поймет и оценит ироничное отношение таджикской паремии к безмерной и ненасытной человеческой жадности.

И.Я. Калонтаров подчеркивает: «Перевод этой пословицы на русский язык без сопутствующих толкований не передает ее значения, а подмена точного смыслового перевода соответствующим русским эквивалентом и вовсе не дала бы читателю представления об этой таджикской пословице» [6. С. 14]. Согласимся с О.В. Ломакиной, которая отмечает: «Представляется, что при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического „портрета” паремии, что упростит межкультурную коммуникацию» [7. С. 217].

Таджикские паремии демонстрируют резко отрицательное отношение народа к скупцам. О скупом человеке они говорят: *Аз дарё об ҳам намебахиад (Он и из реки воды не подарит)* [6. С. 58]. Этот как раз тот, у кого, говоря по-русски, *в Крещение льду не выпросишь*.

Таджикские пословицы используют образ далеких звезд, описывая человеческую скупость: *Аз нони мумсик ситора наздиктар аст (Звезды ближе, чем хлеб скупца); Аз пули хасис ситора наздиктар аст (Звезды ближе, чем деньги скупца); Ба ситораи осмон мерасию ба нони мумсик не (Скорее достанешь звезду с неба, чем хлеб у скупого)* [6. С. 58].

В таджикских пословицах особо стоит образ ростовщика — профессионального скупца, воплощения самой скупости. Причем непонятно, является ли это результатом профессиональной деформации личности, или наоборот, соответствующая личность выбирает себе профессию ростовщика: *Судхӯр аз пули худ нон ишканад, гар ба масал: Шиша сандон ишканад, атола дандон ишканад (Ростовщик тогда лишь сам за свои деньги хлеб надломит (то есть угостит кого-либо), когда стекло ломает наковальню, а похлебка ломает зубы)* [6. С. 58].

Образность этой пословицы строится на невозможности описанных действий в виду определенных физических свойств материалов. Хрупкое стекло никогда не разобьет железную наковальню, а *атола* — ‘жидкая мучная похлебка, болтушка’ — никогда не ломает зубы.

Модель «скупой платит больше» выражена в английской пословице *The covetous spends more than the liberal (Скупой платит больше, чем щедрый)* [16. С. 116]. Ее можно трактовать так, что скупой, стремясь меньше заплатить, приобретает очень дешевые, некачественные вещи, которые быстро приходят в негодность, и ему приходится покупать новые. Этой семантике адекватны русская и таджикские пословицы: *Ленивый три раза ходит, а скупой три раза платит* [8. С. 110]; *Харчи мумсик дучанд поел (Скупой платит дважды); Харчи мумсик дучандон (У скупого двойные расходы)* [6. С. 309].

Наибольшее сходство с русскими паремиями о *бережливости* и *скупости* обнаруживают балтийские (латышские и латгальские), поскольку речь идет о язы-

ках группы, ближайшей к славянским. Кроме того, соседство и общая история играют здесь важную роль. Необходимо отметить богатство и разнообразие вариантов пословиц латышского языка, сохранившего самобытность при многовековом немецком и русском влиянии.

Соответственно, немецкие и английские пословицы также ближе между собой. Здесь играют роль культурные и географические факторы, а также принадлежность немецкого и английского языков к общей (германской) группе языков.

В паремиях рассматриваемых языков о скупости часто используются названия денежных единиц — *талер, пфенниг, грош, полупенни, фартинг, пенсы, алтын, полтина, копейка, рубль, пул*.

Немецкие пословицы отличаются большим разнообразием не только образов, но и вариантов, что отражает факт значительных региональных различий в Германии. В английских паремиях обнаруживается меньше двусмысленностей, характерных для русских пословиц, а больше констатации фактов и назидательности, они часто просто являются рекомендациями.

Таджикские паремии наиболее выделяются по своей образности среди всех рассматриваемых паремий, поскольку таджикские реалии наиболее отличны от европейских. В паремиях присутствуют яркие образы-этномаркеры: **дарьё Аму, гора Каф, шурбо, атола**.

В пословицах, по словам Г. Пермякова, мы видим полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всестороннюю характеристику географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром [10. С. 19]. Анализ пословиц рассматриваемых языков демонстрирует семантическую схожесть паремий во всех указанных языках. Тем самым подтверждается мысль Г. Пермякова о том, что все общее пословиц состоит в «их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни» [10. С. 21]. О.В. Ломакина подчеркивает: «Пословицы и поговорки любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом» [7. С. 217].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицкая, А.* (2001). Понимание культур через посредство ключевых слов [Understanding cultures through the keywords / transl. from English. by A.D. Shmelev] / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры.
- [2] *Владимирова Т.Е.* (2010). Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации [Involved into communication: Russian discourse in intercultural communication]. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Либроком.
- [3] *Горбаневский М.В.* (1988). Ономастика в художественной литературе: филологические этюды [*Gorbanevsky M.V.* Onomastics in fiction: philological studies]. М.: изд-во УДН.
- [4] *Зварич В.В.* (1979). Нумизматический словарь [Numismatic dictionary]. Львов.
- [5] *Иванова Е.В.* (2006). Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие [World in English and Russian proverbs: Textbook]. СПб.: филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та.

- [6] *Калонтаров Я.И.* (1965). Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими [Tajik proverbs and sayings in analogy with the Russian]. Душанбе: Ирфон.
- [7] *Ломакина О.В.* (2014). Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий [Proverbs in the texts of Leo Tolstoy: cultural and linguistic comment] // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования, № 6 (14). С. 217—221.
- [8] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* (2011). Народная мудрость [Folk wisdom]. М.: Олма Медиа Групп.
- [9] *Мюррей Ю.В.* (2008). Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов [The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents]. М.: АСТ: СПб.: Сова.
- [10] *Пермяков Г.Л.* (1988). Основы структурной паремиологии [*Permyakov G.L. Fundamentals of the structural paremiology*] // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука.
- [11] *Селиверстова Е.И.* (2009). Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость [Space of the Russian proverb: constancy and variability]. СПб.: ООО «МИРС».
- [12] *Kokare E.* (1988). Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. Rīga: Zinātne.
- [13] *Latviešu sakāmvārdi un parunas / sak. M. Milzere. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998.*
- [14] *Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopojuši P. un M. Birkerti. 2 izd. Rīgā: Zinātne, 1997.*
- [15] *The Wordsworth Dictionary of Proverbs / Ed. G.L. Apperson. (2006). Wordsworth Editions Limited, 1993.*
- [16] *Wander, K.Fr.W.* (1867—1876). Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Bd. 1—4. Leipzig, F.A. Brockhaus.

FRUGALITY AND COVETOUSNESS IN THE PROVERBS (based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik)

Mikhail A. Bredis

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454
briedis@yandex.ru

The research subject hereof is the objectivisation in the language of the *covetousness* and *frugality* ideas by reference to proverbs in Russian, Latvian, German, English and Tadjik. These proverbs show a lot more similarities than differences. This may be attributed to logical-semantic affinity of proverbs as signs of situations and relations between things as well as the genetic relationship of the specified languages and peoples' contacts.

Key words: paroemiology, proverb, covetousness, semantics, comparative studies.